12+

Елена Немых

История одной картины

Один день из жизни Александра Суворова

Елена Немых

История одной картины. Один день из жизни Александра Суворова

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=71614993
ISBN 9785006538627

Аннотация

Картина «Спасение Суворова гренадером Степаном Новиковым в бою под Кинбурном», 1855, хранится в «Государственном мемориальном музее А. В. Суворова», города Санкт-Петербурга. Там часто бывают посетители, однако далеко не все помнят, что за битва случилась в жизни нашего великого полководца? Почему мы его чуть не потеряли? События русско-турецкой войны 1787—1791 годов покрыты пылью забвения. Мы попытаемся рассказать обо одном дне из жизни Александра Васильевича Суворова: 1 октября 1787 года.

Содержание

Использованная литература 5
Один день из жизни полководца Суворова: 1 октября 1787 7
Конец ознакомительного фрагмента. 41

История одной картины
Один день из жизни
Александра Суворова

Елена Немых

© Елена Немых, 2025

ISBN 978-5-0065-3862-7
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Использованная литература

Предисловие:

Картина «Спасение Суворова гренадером Степаном Новиковым в бою под Кинбурном», 1855,хранится в Санкт-Петербургском «Государственном мемориальном музее А.В.Суворова». Там часто бывают посетители, однако далеко не все помнят, что за битва случилась в жизни нашего великого полководца? Почему мы его чуть не потеряли? События русско-турецкой войны 1787—1791 годов покрыты пылью забвения. Забыты условия присоединения Крымского ханства великой русской царицей Екатериной Второй. Ничтожными кажутся многим достижения ее фаворита и главнокомандующего Григория Потёмкина. А подвиги замечательного полководца Александра Суворова, казалось изучены, но историческую оценку и важность для государства Россия вспоминают не так часто, как хотелось бы. Имеем ли мы право забыть о них? Пытаясь описать один день из жизни русского генерала Александра Васильевича Суворова, я попыталась разобраться и в его личности, и в мотивах его поступков. Благодаря Александру Юрьевичу Сегеню, руководителю Высших литературных курсов при Институте литературы имени

Максима Горького, который попросил нас живописать один день из жизни известного человека, мне удалось написать эту книгу. Это – 1 октября 1787 года из жизни Александра Васильевича Суворова. Пусть «История одной картины» захватит и Вас! И счастливого прочтения!

Один день из жизни полководца Суворова: 1 октября 1787

На Покрова, ровно 1 октября 1787 года, на землю лег снег. Луна серебрила волны Чёрного моря, и мачты идущих на полных парусах кораблей. Турецкая эскадра шла к Ачи-Кале, в родную гавань. Ачи-Кале – по-турецки «Черная крепость» русские называли город Очаков. И до него – рукой подать. Полуостров Кил – Бурун, что в переводе с турецкого означало «Острый нос», весь покрылся белым покровом. «Острый нос» тонкой косой врубался в лиман, подобно настоящей косе, которой обычно косили траву в полях. Сейчас зима совсем заморозила эти летние ассоциации, а снежинки летали в воздухе, соединяясь с каплями воды, и сверкали так ярко, что картина черноморской ночи казалась фантастической. По всем приметам зима ожидалась снежной, но действовали ли приметы средней России в крымских широтах? Кинбурнская коса считалась окраиной Российской империи. Неожиданно что-то ярко сверкнуло на берегу. Это блестела подзорная труба в руках коменданта крепости Кил – Буруна.

– Раз, два,… На лодке -две пушки… На фрегате —тридцать четыре пушки… Один, два, три, четыре… Двенадцать дюймов, двадцать четыре дюйма, – Егор Тунцельман считал корабли и пушки турецкой эскадры. Как он определял

калибр пушек, которые расположились на вражеском борту? Ведь стояла глухая и тёмная ночь, а тусклое светило в небе не слишком проливало свет на темные и зловещие тени вражеской корабельной артиллерии. Впрочем турки ничего не стеснялись, и даже не чехлили оружие. Они считали, что – у себя дома. Это разозлило полковника Егора Андреевича Тунцельмана. Плотный, пятидесятилетней мужчина, с седыми висками и белой прядью волос в чёрной, кудрявой гриве, вздохнул. Артиллерия входила в его епархию. Сегодня генерал-аншеф Александр Васильевич Суворов, командующий всеми войсками Крыма на отрезке от Херсона до Кинбурнской косы, обещал проверить все лично. Комендант крепости думал сейчас только об этом, наблюдая за турецкими судами и, пытаясь отвлечься, он шептал себе под нос:

– Двадцать, двадцать один, двадцать два…

Егор Андреевич поджал губы. Сколько же все-таки пушек на борту туретчины после сегодняшнего боя? Ведь он лично видел, как по крайне мере пять из них свалилось с лафета в волны Чёрного моря. Кроме того батарейная артиллерия потопила по крайне мере два линейных корабля османов. Днем, во время бомбардировки, определить точное число кораблей из-за дыма и водной взвеси не представлялось возможным, но сейчас комендант не без труда подвел итог: три линейных корабля с шестьюдесятью пушками на борту, четыре фрегата, вооруженные тридцатью четырь-

мя орудиями, канонерских лодок не счесть, и все с пушками. А еще двадцать три транспортных судна! Всего на кораблях турок имелось почти четыреста орудий, и это – больше чем в гарнизоне Кинбурна! Тунцельман вздохнул. Кто мог помочь войскам кинбурнской крепости с моря? Эскадра русских кораблей, шедших из Херсона в Севастополь, проплыла мимо косы около двух недель назад. Два русских корабля под командованием капитана второго ранга Николая Мордвинова ушли в севастопольский лиман. Именно ему поручили разработать план осады Очакова с моря, и он явно экономил силы. Два линейных русских корабля «Владимир» и «Иосиф» с дальнобойными пушками, фрегат «Скорый» и бот «Битюг», недавно спущенные со стапелей Херсона, догнали русскую эскадру. Они какое-то время фрахтовались в Днепровском лимане прямо рядом с Кинбурнской косой, но покинули его, после мощной атаки турецкой эскадры. Адмирал Мордвинов решил сохранить новенькие корабли. Поселение Биликовичи князь Григорий Александрович Потемкин недавно переименовал в Херсон и разместил там свой штаб. Готовые умереть за русскую корону, моряки ждали его приказа, но тот что-то выжидал, оставив гарнизон Суворова в Кинбурне без всякого морского прикрытия. Суворов находился со Светлейшим князем там же, но когда узнал, что турки отчаянно бомбят Кинбурнскую косу, бросил все и прискакал вместе со свитой из адъютантов, ординарцев, камердинера и даже личного повара в Кинбурн.

В крепости находилась лишь галера «Десна» №5. Морской бой с участием «Десны» случился недавно. Турецкий флот о тридцати восьми вымпелах на бортах подошел к Кинбурну вплотную и обстрелял косы. Навстречу им устремилась галера мичмана Джулиано де Ломбарда, мальтийца на службе русского флота. На свой страх и риск, он решил помочь русскому гарнизону. Против всего турецкого флота у него на галере размещалась одна мортира и шестнадцать трехфунтовых пушек. Приняв галеру за серьёзную морскую силу, турки понемногу отошли под защиту Очаковской батареи. Мальтиец некоторое время их преследовал, но потом, поняв, что зарвался и его окружат, в свою очередь отошел к Кинбурну. Такая сложилась военная обстановка на 1 октября в Днепровской лимане. Очаковская крепость казалась недоступной, но привлекательной, а Кинбурнская коса стала настоящим ключом от очаковских ворот. Потемкин верил: именно наш великий военачальник Александр Васильевич Суворов должен спасти этот рубеж Российской империи! Верил в это и комендант Тунцельман Егор Андреевич. Почти три года он руководил этим сторожевым постом на Чёрном море, и ни разу не пожалел об этом. На груди Тунцельмана золотом блеснул георгиевский крест, полученный за верную службу. Орден Великомученика Георгия четырех степеней учредила Екатерина II совсем недавно, в прошлую русско-турецкую войну и только для генералов и офицеров, и комендант мечтал получить их все. Он вздохнул и отчёт-

ливо представил герб своего рода: копьё и меч в руках рыцаря на страже русской короны. Кинбурнский комендант, полковник Егор Андреевич Тунцельман, содержал артиллерию крепости в исправности, в его юрисдикции находились и береговые, и крепостные пушки. Тунцельман закрыл глаза, открыл, развернулся и пошёл вдоль редутов, которых насчитывалось девятнадцать штук. Дальнобойные пушки из меди стояли в длинных, перпендикулярно пересекающих мыс, специальных окопах, укреплённых брёвнами. Дула их смотрели на восток и на запад, в радиусе их ударной силы находились все входящие в Днепровский лиман корабли. Стрелявшие на расстояние четыре километра, только они могли достать турецкую эскадру, но все ли пушки живы после сегодняшней атаки османов? За полевые, на территории крепости, комендант не волновался, турки ни разу туда не заходили, и все двести пятьдесят мортир, гаубиц и других чугунных орудий разного калибра, остались целы. А вот как дела обстояли с береговой артиллерией? Тунцельман двинулся вдоль моря. Будить расчёты, уютно уснувшие у входа в каждый редут у разведенных костров, не хотелось. Позади – сложный, впереди – еще более трудный день. И проверить сохранность пушек ему предстояло до приезда командующего Суворова. Именно Александр Васильевич, который руководил всеми Егор Андреевич двинулся дальше, и снег захрустел под его ногами.

Сейчас на Кинбурнской косе стояла тревожная тишина,

и необычная для этого времени года погода: легкий снег и мороз, лишь усиливала эту тревогу. Тунцельман вгляделся и на самом берегу увидел казачий стан, где находились три полка под командованием Орлова, Исаева и Сычева. Они охраняли границу от устья Буга до крепости Кинбурн. Их наказной атаман, Дмитрий Иловайский, руководил казаками всего Войска Донского. Донцы прошли с армией Российской империи предыдущую русско-турецкую войну, но как они поведут себя в эту не знал никто, в том числе главный атаман Иловайский. В стане его сегодня никто не видел, видимо отъехал в ближайшее село, а вот казачьи атаманы: Орлов, Исаев и Сычев, находились на берегу. Сейчас казацкие телеги Донского войска стояли, сцепленные цепями, табором, у самого берега. Здесь же плавали и их лодки, на которых казаки добивали неприятеля. Вот и сейчас, какая-то тень отделилась от лодки у берега, и широким шагом пошла к коменданту. Иван Исаев, казак из Черкасска, недавно стал подполковником. Он воевал с Суворовым давно, подавлял пугачевский бунт, и слыл верным человеком. Его красивое лицо выдавало тревогу, черные глаза в отсветах костра, казались бездонными. Красивый, длинный, синий кафтан блестел в отсветах глянцем, золотой кушак опоясывал ладную фигуру, синие шаровары, заправленные в красные сапоги, делали подполковника нарядным. На непокрытой голове кучерявились смоляные волосы, а щеточка усов торчала в разные стороны, придавая ему грозный вид. Он взволнованно

обратился к Тунцельману на малороссийском:

– Пан полковник, желаю вам здоровья. Имею честь доложить, что ночью, несколько часов назад, к нам на своей лодке приплыл беглец из казаков. Он родом из куреня под Очаковом. Бывший запорожец. Мы допрашивали его с пристрастием.

Запорожскую сечь ликвидировала все та же Екатерина II, далеко не все запорожцы перешли под флаг русской короны, у них отобрали земли у Черного моря, и в поисках защиты, они стали сражаться под звездой и полумесяцем на флаге Османской империи. В качестве награды им обещали вернуть их коши. Именно такого шпиона и поймали верные донцы. Как казаки будут сражаться против казаков никто и не предполагал, верность надо доказывать в бою, а наемники из Войска Донского не всегда демонстрировали лояльность.

К Тунцельману подошел и другой атаман Донского казачьего войска, Василий Орлов. С прической «под горшок», кряжистый, он сверкал карими глазами. Он отличался от Исаева красным длинным кафтаном и держал в руках шапку с золотой оторочкой. Екатерина II ввела новую и неброскую форму для казаков с Дона, но старички одевались в яркое и красивое. Казак из дворян, Василий Петрович, службу начал в 1764 году, не имея и двадцати лет от роду. В молодости принимал участие в походах против турок. Благодаря своему недюжинному уму и беззаветной храбрости, Орлов быстро

шел по служебной лестнице и за десять лет стал уже войсковым старшиной. Орлов махнул на шпиона рукой и продолжил на том же малороссийском языке:

– Он говорит, что завтра, то есть сегодня, казаки из числа беглецов с турецкой стороны нападут на нас, где-нибудь в районе Биенок, не далее двенадцати верст от Кинбурна…

Исаев и Орлов отлично владели русским языком, но общаясь между собой, они часто переходили на родной, кроме того иногда волнение заставляло их переходить на малороссийский. Однако коменданту это не понравилось. «Надо бы сообщить фон Реку», – подумалось ему. Генерал-майор Иван фон Рек командовал в Кинбурнской крепости Орловским полком и Шлиссельбургским, и он смог бы сам разобраться с перебежчиком, о котором рассказали казаки. То, что донцы решили допросить сами бывшего запорожца, так же не понравилось Тунцельману. Он нахмурился и обратился к Исаеву:

– Говорите по-русски, подполковник! И ведите его сюда, немедленно. Нужно доложить о новых сведениях Александру Васильевичу! Он собирается через…. (он вынул часы на цепочке из кармана) через час навестить редуты.

Исаев, обернувшись к своим донцам, крикнул:

– Веди шпиона! Комендант с ним хочет поговорить.

От костра отделилось двое и притащили под руки казака-перебежчика. Шпион -явно из бедноты, лицо изрезали глубокие морщины, седой чуб повис на лице, полузакры-

тые глаза блуждали, порванная одежда еле держалась на худом теле. К ним подскакал моложавый, крепкий парень, лысый и то же с чубом, на каурой кобыле. Служебная форма казаков из Войска Донского включала в себя: верхний суконный кафтан, подпоясанный цветным кушаком, и шаровары из той же ткани, брюки – заправлены в короткие сапоги. На голове-шапка из шкурки ягнёнка с суконным верхом. Кафтаны донцов освещаемые пляшущим огнем, светились синим в ночи, на кушаках у них сверкали сабли, за спиной виднелись мушкеты. Они исподлобья рассматривали подъехавшего запорожца. Он спешился, быстро подошёл к берегу, где на коленях стоял шпион, увидев его без сознания, крикнул громко:

– Воды принеси!

Один из казаков побежал к морю. Одинокие лодки донцов и бот «Десна» тихо качались на спокойных волнах. У самого берега вода покрылась тонким льдом, и сапоги казака разбили его на мелкие осколки. Он прыгнул в свою лодку, пытаясь найти ведро. Неожиданно на борту «Десны» показался Джулиано де Ломбард. Высокий, худощавый молодой мужчина с длинным хрящеватым носом, лихо закрученные усы сразу выдавали в нем иностранца. Полная амуниция свидетельствовала о том, что он спал в военной форме прямо на галере. Увидев казака, роющегося в своих вещах на соседней лодке, он крикнул по-французски:

– Что ищешь?

Казак выпрямился, улыбнулся и признался по-русски:

– Не понимаю по твоему…. (перешел на малороссийский язык) Друг, я ищу ведро. Ребята поймали шпиона. Хотят его отмыть!

Не смотря на малороссийский выговор мичман-мальтиец его понял. Джулиано кивнул, развернулся и вскоре подошел к борту, чтобы передать ведро с «Десны», теперь он заговорил по-русски:

– Держи. Только с возвратом. А откуда шпион?

– Его вчера поймали в Очакове. Он говорит, что завтра на нас нападут турки, шельмы… А казаки-перебежчики ударят в двенадцати верстах отсюда.

– Это из ваших? Или из запорожцев? Казак набирал воды из моря:

– Нет, не наши… Бывший запорожец. Это те, кто бежал в Турцию, и там свой кош сделали: Задунайскую Сечь. Комендант говорит, что сейчас приедет командир… Сам Суворов Александр Васильевич! Мы хотим встряхнуть шпиона до его приезда.

– А комендант Тунцельман здесь?

– Так с Исаевым говорит…

Услышав, что Тунцельман в казачьем стане, Ломбард быстро спустил веревочную лестницу, и уже через минуту шагал вместе с донцом к костру. Увидев стройного мальтийца, Тунцельман улыбнулся. Ему нравился этот парень: герой и храбрец. Ломбард подскочил к нему, одёрнул свой мундир,

вытянулся и сказал по-французски:

– Здравия желаю, господин комендант! Мичман Де Ломбард хотел узнать, когда Ваше сиятельство-с прибудет? И намерен ли смотреть наш флот?

Флот гарнизона состоял в основном из казацких рыболовецких галер, на некоторых из них виднелись легкие переносные пушки, но главное оружие находилось все-таки в руках у мичмана. Новый «единорог», русская дальнобойная гаубица, изобретённая всего тридцать лет назад русским артиллеристом Даниловым, его восхищал. Когда вчера красавицу – пушку доставили на «Десну», Ломбард лично обтер ствол специальным маслом, прочистил дуло. На борту бота размещался целый взвод из ста двадцати человек Тамбовского полка, их тоже разместили недавно, и они все подчинялись Джулиано де Ломбарду. Бравому мичману за героические морские атаки на турецкий флот светило повышение по службе и орден за храбрость, проявленную при защите крепости. Этого по слухам добивался сам Суворов. Комендант знал это и видел волнение мичмана, знал он и то, что самостоятельный мальтиец вызвал недовольство главы крымского флота, самого адмирала Николая Мордвинова. Идея с «единорогом» на борту «Десны» принадлежала Тунцельману, и он решил поинтересоваться судьбой дальнобойной

– Как единорог? Все ли в порядке? Шпион сказал: турки нагрянут к утру… Так что нужно пушку расчехлить и ждать.

– А Суворов? Александр Васильевич? Нас благословит?

Сегодня Покров Богородицы… Приедет ли батюшка с ним? Хотелось бы окропить оружие!

Мичман перекрестился, не смотря на иную веру, он иногда приходил в полковую церковь в крепости Кинбурна и молился. Батюшка, отец Серафим, о котором спрашивал Ломбард, появился в Кинбурнской крепости, по просьбе самого Суворова. Набожный генерал-аншеф повелел натянуть шатер, поставить складной амвон и попросил отца Серафима проводить литургии. Особенно он настаивал на них накануне важных сражений, об этом знали все. Тунцельман хотел ответить, но в этот момент вода из ведра с шумом вылилась в лицо избитого перебежчика. Иван Исаев страшно вращал глазами:

– Скажи, собачий хвост! Когда произойдет атака? Если ты хочешь жить…

– С утра, сегодня!

Шпион с трудом произнёс эти слова на малороссийском и упал без памяти на берегу. Тунцельман поджал губы, обернулся к мичману и на французском обратился к нему:

– Готовься часа через два. Генерал-аншеф обещал приехать. Ладно, мне – к фон Реку!

Тунцельман махнул на Ломбарда, развернулся и пошел вверх по отлогому гласису, насыпанному холму у Кинбурнской крепости, а мичман вернулся на свой бот «Десна» N 5. За остатками крепостной стены находились помимо двух пехотных полков, Орловского и Шлиссельбургского, еще

и по два эскадрона из Мариупольского и Павлоградского легкоконных полков. В этот полк недавно вошел и Острогожский гусарский полк из бывшего одноименного казачьего слободского. С первых же дней его формирования возникли трудности с пополнением личным составом. Старые казаки не стремилась переходить в новое формирование и всячески препятствовала переходу в него рядовых казаков. Однако сейчас этот полк резко выделялся и своей формой, и удалью, они уже «понюхали» пороху в предыдущую войну с туретчиной, но так же, как и остальные казаки, ждали награды в виде земельных уделов и мечтали о мирной жизни в своих усадьбах, вернее кошах. Потемкин хотел перевести остатки гусаров в Павлоградский полк, и вовсе забыть о бывших казачьих штандартах. Совсем иначе к казакам относился полководец Суворов. Он не только лояльно смотрел на тех, кто сражался с ним бок о бок много лет, он позволял им все: носить свою форму, жить там, где захотят, перемещаться по своему усмотрению, он вовсе не боялся шпионов из казаков. По его распоряжению штандарты, знамена казаков, означающие разные курени, считались святынями, их передавали из рук в руки, даже если самое военное формирование упразднялось. Армия Суворова растянулась вдоль черноморского берега. В девяти верстах от Кинбурна, у Покровского редута, находился Козловский полк, в двенадцати верстах -между Покровским и Мариинским редутами основные части Мариупольского и Павлоградского полков, в четырна-

дцати верстах – легкий батальон Муромского полка. Так они назывались, потому что формировались из лучших стрелков полка. У Александровского редута в тридцати шести верстах от Кинбурна стоял самый титулованный- так называемый Санкт-Петербургский драгунский полк. Все они находились в боевой готовности, однако сражаться гарнизону генералу-аншефу в Кинбурне предстояло в одиночестве и малым составом: всего-то тысяча пятьсот человек. Но как справиться с будущей турецкой ордой? Перебежчики сообщали, что нападение будет 1 октября силами в пять тысяч османских сабель, нападение в Биенках могло быть либо отвлекающим маневром, либо основным сражением? Комендант Тунцельман прибавил шаг: надо срочно сообщить фон Реку о пойманном шпионе! Когда он отошёл подальше от берега, он вдруг услышал протяжные, щемящие звуки донской лиры, которую казаки между собой называли рыле. На нем играл видимо воин из стана Исаева или Орлова. Услышав песню, Тунцельман нахмурился. Казак пел:

О полети, да полети, черна гадко,
Да на Дон рыбу исти,
Ой принеси, да принеси, черна галко,
от Калныша вести

«Калнышем» в песне, называли Петра Ивановича Калнышевского. Он стал последним атаманом Запорожской Сечи и личным врагом царицы. Когда-то императрица наградила Петра орденом, но тот предал ее, начав переговоры с турка-

ми за присоединение бывших земель Сечи к Османской империи. Именно за это она предателя оправила в острог.

Егор Тунцельман ускорился: с генералом- майором фон Реком нужно переговорить до встречи с Суворовым! Вдалеке на холме темнели остатки стены Кинбурнской крепости и несколько каменных домов внутри стены. В одном из них остановился сам генерал-аншеф Суворов. Луна освещала беленные ребристые бока и заглядывала в окна, бросая через мутное стекло тусклый серебряный луч на земляной пол. Полоса света медленно ползла к кровати, пока не доползла до подушки, на которой спал седовласый человек. Его острые, сухие черты казались слишком бледными в лунном свете будто он мёртв, но тихое дыхание колыхало белую пушинку из подушки рядом с его носом. И через секунду стало ясно: спящий – жив. Когда лунная указка кольнула в глаз, он неожиданно широко открыл его, а потом сразу зажмурился от попавшего прямо в зрачок «лунного зайчика». Суворов открыл глаз опять: голубой зрачок коротко заблестел, он открыл и второй, и уже через минуту длинная шинель на спящем оказалась на полу. Александр Суворов мгновенно поднялся с кровати, вернее досок, уложенных рядом, одна к другой, и соломы сверху, прикрытой тонкой простыней.

– Щастие… Щастие…, – сказал он внятно, вглядываясь во тьму.

То ли сон приснился полководцу, то ли он что-то видел в лунном мареве небольшой, с высоким сводчатые потолком

комнате. «Щастием» Суворов считал военную службу. Он улыбнулся, коротко взглянул на икону Божьей матери в углу:

– Умирай за Дом богородицы, за матушку, за пресветлый дом! – прошептал он.

Генерал перекрестился и шагнул к медному тазу с водой, стоящему по середине комнаты на табуретке, рядом находился второй. Быстро скинув с себя рубаху, кальсоны, осторожно сняв с шеи крест на верёвочке, Суворов остался полностью обнажённым. Его небольшая, сухопарая фигура, белела в лунных отсветах, жилистая спина, руки и ноги выдавали в нём тренированного человека. Он быстро встал во второй тазик, облил себя водой.

– Ох! Хорррооошшшооо! – выдохнул он.

И судя по короткому возгласу и мгновенно появившимися на белом теле мурашками, стало очевидно: вода -холодная, если не сказать ледяная. Генерал схватил льняное с красными вышитыми петухами полотенце и начал быстро растирать своё тело. Этой закалкой пятидесятисемилетний военный занимался давно, со времен первой службы в Семеновском полку, вызывая бурю эмоций у свидетелей этой процедуры. Александр Васильевич старался скрывать свою страсть к закаливанию, и проводил омовения холодной водой за закрытыми дверьми, но камердинер знал: с утра два тазика, один с ключевой водой, а другой пустой, должны с утра стоять рядом с кроватью хозяина. Закончив процедуру и окончательно проснувшись, Суворов быстро натянул кальсоны и сделал

несколько резких движений рук, поднимая их вверх. Потом стал быстро поднимать ноги, по очереди вытягивая носок. Эту зарядку Александр Васильевич проводил то же каждое утро сызмальства, лет так сорок. Лет своих он не чувствовал вовсе, особенно после отжиманий от пола. Он медленно считал вслух, а потом легко встал с пола и быстро облачился в мундир и армейские штаны. На мундире сияли в лунном свете награды. Суворов дотронулся рукой до ордена Святой Анны, он стал первым и особенно любимым. Потом он получит ордена – Георгия 3-й степени и Александра Невского, но Святую Анну любил особенно. Он прижимал руку к сердцу, вспоминая любимую императрицу, Екатерину II. Неожиданно вспомнилось, как он катался с ней на лодке. Кто-то из её поданных назвал его инвалидом, типа *«и в отставку пора»*, но Александр Васильевич греб отчаянно, ловко орудуя веслами, а потом лихо выскочил на причал и подал руку царице. Та усмехнулась, а он кокетливо заметил:

– А говорят, что я – инвалид?

Императрица улыбнулась:

– Какой инвалид? Если так прыгнули!

– Еще и не так прыгнем, – парировал Суворов и поехал по велению Екатерины II в Крым на новую русско-турецкую войну.

Он всегда при ней себя чувствовал «оком государевым», ее жестокой военной дланью. Императрица могла сделать одно движение царственной рукой, и русские войска уже

в Польше. Тогда Суворов оказался близ Бреста, душил восстание польских конфедератов, за четыре часа разбил превосходящего по численности противника, за что получил первый свой орден и чин генерала-майора. Он подошел к окну, с интересом посмотрел на тот вид, который открылся ему и задумался. В лунном свете коса смотрелась эффектно. Кил-Бурун спал. Когда то, в древние века, этот край греки называли Гилеей или Борисфенидой. Борисфеном путешественники называли реку Днепр. Греков сменили скифы, которые совершали здесь жертвоприношения, следовали ритуалам, а так же хранили здесь свое золото, считая землю на косе священной. Начитанный Суворов знал об этом, зайдя в первый раз в дом построенный внутри Кинбурнской косы, он попросил открыть подвалы. Вдруг скифское золото хранится здесь, перешло в руки османов и забыто в погребах. Однако другое золото хранилось на косе: белое, рассыпчатое и солоноватое на вкус. С приходом в XV веке на косу Османской империи леса вырубили. Турки нашли здесь розовые озера с соляными приисками, и для защиты этих богатств построили мощную крепость. Это чудо фортификационных сооружений включало в себя не только каменную постройку, но и насыпь, ров, защитную линию и несколько двухэтажных домов из камня, предназначенных для военного гарнизона. Большая крепость стала вторым по мощи военным сооружением Османской империи после очаковской. Находились они друг от друга – всего в восьми верстах. Из под-

зорной трубы с крепостных стен Кил-Буруна жители гарнизона наблюдали за переодевающимися наложницами двора турецкого шаха. Зайти с севера в крепость на «Остром носе» не представлялось возможным, крутой гласис насыпали до самого лимана, потом шёл огромный ров и мощный ретраншемент. Атаковали крепость на Кинбурнской косе в основном с кораблей, и только с запада и востока, обогнув ее с двух сторон, а защитники цитадели встречали шквальным огнём все вражеские суда, заходившие в Днепровский лиман. Настоящая сторожевая будка для очень злой собаки на Чёрном море! Тем ни менее в предыдущую русско-турецкую войну войскам Российской империи удалось захватить крепость и разрушить её. Турки с трудом восстановили крепость, сделав её меньше. После Кючу́к-Кайнарджи́йского мирного договора, заключённого царицей Екатериной II с султаном Абдулой-Хамидом I, эта земля отошла Крымскому ханству. Хан Крыма Шахин-Герай стал российским ставленником после присоединения Крыма царицей Екатериной II, и все время обращался за помощью к военному кулаку Российской империи. Тем ни менее восстания местных жителей вспыхивали то тут, то там, а русские гарнизоны постоянно вмешивались и подавляли гнев недовольных. В 1783 году, 8 апреля, Екатерина II издала манифест о присоединении к Российской державе Крымского полуострова. Так образовалась область под управлением князя Потёмкина, получившей название Таврическая, а сам Гри-

горий Александрович соответствующую приставку к фамилии. Никого другого не мыслила императрица в Тавриде, так называла Крым бывшая немецкая принцесса. «Острый Нос» или по-турецки Кил-Бурун перешёл к русским окончательно и стал называться Кинбурном, а коса Кинбурнской. Увидев остатки крепости на косе, Суворов пришел в восторг. Чувствовал ли полководец поддержку скифских духов этих мест или военная интуиция подсказывали ему стратегическое превосходство этой бывшей турецкой цитадели? Он тут же попросил укрепить стены и вырыть новые, глубокие рвы, так называемые «волчьи ямы», попросив накидать туда терновника. Суворов влюбился в это место сразу и бесповоротно, и свою готовность умереть за российскую корону не скрывал. Суворов бросил взгляд на стену своей комнаты, отойдя от окна к бюро. В отблесках луны мерцали бриллианты на золотой шпаге, подаренной царицей в 1775-ом за победу в предыдущей русско-турецкой войне. Он возил шпагу всегда с собой. Суворов вздохнул, зажег свечу от длинных спичек, лежавших на столе. День ожидался трудным. И Потемкина в Херсоне нужно предупредить обо всем!

Суворов открыл чернильницу, окунул в неё гусиное перо и приготовился писать на восковой бумаге, но неожиданно задумался. Чёрная капля медленно упала на белый лист. Он охнул, смял его. Стало очевидно, чтобы ответить, нужно перечитать письмо Григория Потёмкина. Суворов отложил перо, быстрым движением открыл красивый, старин-

ный сундучок, в котором хранилась корреспонденция, и перебрав несколько депеш, нашел письмо князя. Оно значилось 8 августом 1787 года. Более позднего послания генерал не нашёл и решил перечитать то, что Потемкин написал почти четыре месяца назад. Строчки плясали перед глазами, но Суворов сосредоточился и вчитался: «*Милостивый Государь мой, Александр Васильевич. Болен был,* – читал он в письме. – *Евангелие и долг военного начальника побуждают печься о сохранении людей».* Потемкин переживал за судьбу гарнизона и своего любимого командующего. Идея укрепить гарнизон донцами принадлежала ему же, «Гришке-нечесе», так казаки между собой называли князя Таврического за парик, который он не снимал. Их в армии при Екатерине II отменили, но Григорий Александрович его упорно водружал на голову. Отмену этого «рассадника вшей» добивался сам Суворов. У него установились хорошие отношения с фаворитом императрицы. Гладкий почерк светлейшего и витиеватая роспись настраивали на мирный лад. Суворов вздохнул, взял перо, ещё раз обмакнул его в чернила, достав новый лист, и наконец-то начертал своей рукой: *«Светлейший Князь, Милостивый Государь! По донесениям перебежчиков турецкая флотилия под Очаковом ныне состоит из…»* Суворов быстро описал эскадру, очень надеясь, что Потемкин пришлет подкрепление с моря, а, дописав, бросил песок на листок, мгновенно впитавшего чернила. Неожиданно в дверь постучали, и согнувшись в поклоне, во-

шли личный камердинер Суворова Прошка и повар генерала: калмык Мерген в белом колпаке и фартуке. Увидев хозяина, Мерген залился кумачовым цветом. Его узкие глаза еще больше сощурились, лицо выражало растерянность. У камердинера в руках Суворов заметил жестяное ведро и горящую свечу на подставке. Прошка, низкорослый крестьянин, наоборот заметно побледнел, перекрестившись на образ Богоматери в углу. Пока калмык мялся у входа в комнату, не решаясь заговорить, камердинер быстро прошёл в комнату, поставил тлеющую свечу на стол и перелил использованную во время обливаний воду в ведро. Суворов сурово глядел на Мергена:

– Чего тебе? Где завтрак? Я, едит твою, на позицию с инспекцией, а ты меня задерживать изволишь, братец?

Мерген покраснел ещё больше. Он привык к причудам генерала, полгода ездил за ним в военном обозе. И то, что Суворов встает ночью, около часа, и что завтракает в два ночи, а обедает в восемь утра с обязательной стопкой водки – он знал прекрасно, но сегодня случилась незадача, из-за которой он не смог согреть чаю с утра. Привыкший топить самовар шишками, он никак не мог признаться, что местная зеленая поросль с чахлых кипарисов долго пыталась зажечься, но потом начала тлеть, не давая тепла пузатому, фирменному чуду из самой Тулы. Мерген и дул, и руками махал, и сапогом работал, как поршнем, но вода не грелась. Он хотел во всем признаться, и что он оплошал, рассказвть о кипят-

ке, который задержался, но неожиданный возглас Прошки отвлёк генерала:

– Тьфу ты, пропасть… Пятнадцать человек солдат в трубу упало, двадцать до смерти ушиблось, а остальных в лазарет повезли.

Суворов вскочил, отбросив письмо Потемкину:

– В лазарет? – закричал Суворов с ужасом, – куда, помилуй Бог?! Заморят моих чудо-богатырей. Нет, не посылай их в лазарет, дай им травки и будут здоровы. А ты, проклятый, напустил ветру из двери. Мне холодно! Лови, лови ветер, я помогу.

Суворов с Прошкой начали бегать по комнате, как будто ловя что-то; и на конец последний отворил дверь и, будто выбросив в нее что-то, сказал:

– Поймал мороз и выкинул!

Мерген оторопело смотрел на них. Что за обряд совершал в бывшем турецком доме Кинбурнской крепости генерал-аншеф и его камердинер, он так и не понял. Суворов потряс руку Прошке и радостно сказал:

– Спасибо, спасибо, теперь теплей, а то, проклятый, заморозил было.

Прошка выбежал с ведром, а генерал замолчал. Повар откашлялся. Возникла неловкая пауза. Наконец он набрался храбрости и спросил:

– Что кушать будете? На обед чего готовить?

– Свари ты мне армянское кушанье.

– Слушаю!

– Свари ты мне татарское кушанье.

– Слушаю.

– А вот французское и немецкое не вари.

– Слушаю.

– Да еще русские щи.

– Этого нельзя.

– Почему?

– Сметану нет.

– А почему?

– Не могу знать…

– Ах ты, немогузнайка! Убирайся! Сметаны нет…. Ну, и черт бы с ней… Где ее брать в походе! Для солдата и щи из топора на водичке хороши! Слышать не хочу ничего! Будь добр, братец, чтоб были щи! Прошка, толкай его.

– Я и сам пойду, – сказал повар, и, уходя, сильно хлопнул дверью, столкнувшись с Прошкой.

– Вишь, Прошка, как он меня рассердил, – продолжал Суворов, – не могу знать… говорит. Ненавижу это слово. Тащи, брат, ладану, после такого только обкурить комнату надобно… Чертей гонять!

Прошка заулыбался:

– Александр Васильевич, помилуй бог… Нету ладана, весь кончился. А самовар с чаем притащу. Мерген, черт окаянный, с утра жалится: разжечь-с не может

– Чаю выпью… Но после смотра войска. Не равен час тур-

ки нагрянут? Что делать будем? И скажи моим ординарцам, чтобы сейчас готовы были… Опозданий не приму! Одного из них отправлю к светлейшему. Депеша в Херсон поедет, князю Потёмкину. А мне седлай моего Глазка. И по поводу этих, кто в лазарете, всех лично досмотрю! Мои солдаты должны быть одеты, обуты и готовы ко всему! Тех, кто в лазарете, не травкой, так водкой спаси… (через паузу) И меня не обделите в обед, да и щей хочу. Скажи, супостату Мергену, чтобы сметану не искал!

– Слушаюсь, ваша светлость!

Прошка вышел опять со свечей в коридор, закрыл дверь в комнату Суворова. Он хотел идти будить ординарцев, однако соседняя дверь открылась и в коридор вышли они сами собственной персоной: старый ординарец – атаман с Дона, Иван Краснов, и новичок Акинфий Кононов. Под расстёгнутыми тулупами виделись мундиры. В шапках на голове с яркой опушкой и в зеленых мундирах они выглядели очень нарядно. Князь Потемкин провёл военную реформу незадолго до начала русско-турецкой войны, поменяв форму солдатам. Однако она не всегда спасала от зимней стужи. В холодном коридоре гулял морозный ветер, свеча чадила, а огонь прыгал из стороны в сторону, как ненормальный. Входная дверь плохо прикрывалась, а печь на кухне, где орудовал Мерген, скорее служила для готовки, чем давала тепло. Турки, жившие здесь когда-то, не очень-то заботились о благоустройстве жилища в крепости и совсем его

не утепляли. Прошка, увидев Ивана и Акинфия, прижал палец к губам и поставил свечу на подоконник. Коридор озарился тусклым светом. Из комнаты Суворова послышалось бормотание. Удивленный Акинфий подошёл поближе к двери суворовской опочивальни, прислушался, а потом спросил камердинера:

– Что все это значит?

– Вот видите ли, – отвечал тот, – он в это время просыпается и ему сейчас все его военные соображения приходят в голову, так он и говорит вслух.

Однако из-за двери раздалось отчетливое пение. Акинфий спросил еще:

– А теперь что он делает?

– Молится Богу.

Прошка вышел на кухню, а ординарцы плюхнулись на старенький и скрипучий диван с гобеленовой обивкой. Откуда в бывшей турецкой крепости появился этот раритет, можно только гадать. Акинфий с интересом потрогал гладкий узор ладонью. Бывалый Краснов сразу задремал, а он с интересом рассматривал запорошенное снегом окно, свечу на подоконнике, забытую Прошкой. Неожиданно в углу, в свете колеблющейся от сквозняка свечи, Акинфий Кононов заметил длинную ткань, наброшенную на нечто массивное. В углу что-то блеснуло. Кононов встал и подошёл поближе, взялся за материю, и она с шумом упала вниз, открыв старинное зеркало в чёрной оправе. Свеча чадила, но светила, и он

неожиданно увидел себя в отражении. Тесный тулуп плохо сидел на нем, и он его одернул. Вчера в этот дом они с Красновым заехали за полночь. Неразговорчивый бывший атаман с Дона говорил мало, да и то чаще всего на малороссийском языке, который Акинфий плохо понимал. От него он узнал, что Краснова задержал в Севастополе сам Мордвинов. Капитан русской эскадры передал депешу Суворову, что не сможет его поддержать, но передал морские карты для генерал-аншефа. Карты Мордвинов захватил с турецких суден, и они очень даже могли пригодиться полководцу, не смотря на турецкий язык составителя. Акинфий Кононов присоединился к Ивану Краснову почти у въезда на Кинбурнскую косу, он скакал из Санкт-Петербургского драгунского полка, аж от Александровского редута, и мгновенно уснул, так и не успев рассмотреть новое место дислокации. Ординарцы устроились на ночлег в отдельной комнате. То, что в коридоре есть диван и даже зеркало, Акинфий вчера не увидел. Он взглянул на отражение дремлющего Ивана, у того пар шёл из-за рта, он тихо сопел. Кононов хотел его разбудить, но в это время открылась дверь кухни и оттуда выбежал Прошка с медным и явно горячим самоваром в руках. Камердинер не смотрел на ординарцев, но коротко им кинул:

– Седлайте скоро. Александр Васильевич выпьет чаю и тут же выйдет к вам, – сказал он и зашел в комнату к Суворову.

Акинфий не успел ответить, Иван же тут же проснулся и быстро вскочил с дивана. Он хотел что-то сказать, но не успел, потому что в коридоре из другой комнаты показались двое из свиты Суворова: генерал-адъютант Аким Хастатов и полковник Петр Борщов. Аким Хастатов, черноглазый, армянского вида, худощавый мужчина, появился у окружении полководца случайно. Хастатов служил в армии, но ушел в отставку, не помышляя вернуться в русскую армию. Он стал чиновником Казённой палаты, жил в Астрахани, где директором порта работал его старший брат. В 1780 году, там, в Астрахани, его встретил Суворов. Потемкин попросил Александра Васильевича принять начальство над войсками на Волге для подготовки военной экспедиции за Каспий, которая так и не осуществилась. Суворов томился почти два года в ожидании стоящего дела, и однажды пересёкся с Акимом Хастатовым. Дело полководцу скоро нашлось, Екатерина вторая поручила ему новое направление: Крым, и он пригласил астраханского чиновника, с которым подружился, к себе в адъютанты. Очень скоро, у Хастатова появилась приставка: генерал, и он стал-генерал-адъютантом при Суворове. Похожая история произошла и с полковником Петром Борщовым, соседом Александра Васильевича по родовому гнезду в селе Кистыш под Суздалем. Купеческие корни позволяли ему и вовсе не воевать, он мог бы отсидеться в своём поместье, но он предпочел с началом турецких войн выйти на службу и буквально уговорил Суворо-

ва взять к себе. Так помещик стал то же адъютантом нашего знаменитого военачальника. Он отличался от Акима Хастатова крепкой статью, основательностью и глубоким басом. Когда они вошли в коридор, они о чем-то спорили, и Акинфий Кононов услышал обрывок их разговора. Басистый Борщов отчаянно защищал свою версию событий:

– *«Не думайте, матушка, что Кинбурн -крепость»*, – сказал об этой цитадели наш Григорий Александрович царице. Я его еще процитирую, мне Александр Васильевич показал письмо Светлейшего, где он пересказал всю свою переписку с Екатериной. «*Тут тесный и скверный замок с ретраншементом, построенном весьма легким способом. И то, подумайте, каково трудно держаться там! Тем паче, что он в сто верст удален от Херсона*», – вот как он считает про нашу крепость.

Хастатов возразил:

– Екатерина II уверена в нашем генерал-аншефе, она лично просила его спасти Кинбурн.

Борщов с сомнением пожал плечами:

– В том же письме от Потемкина я нашел ответ на ее слова: *«Империя останется империю и без Кинбурна: то ли мы брали и потеряли? Не знаю, почему мне кажется, что А. В. Суворов в обмен на потерю Кинбурна возьмет у них Очаков?»* Судя по всему Екатерина II не верит в победу здесь!

– Императрица ошибается, наш Александр Васильевич

выиграл почти тридцать сражений! И это победа – за ним!

– Разве тридцать…?

– Это – тридцатое, – сухо заметил Хатстатов, он говорил фальцетом и его голос отлично слышали все присутствующие. Ординарцам стало неловко, и они опустили глаза.

Сегодня оба, Хастатов и Борщов, собирались с генерал-аншефом на позиции – считать пушки. Оба надели мундиры и теплые шинели. Увидев нового ординарца Акнинфия Кононова, адъютанты переглянулись между собой. Ординарцы вытянулись и гаркнули:

– Здравия желаю, ваше благородия!

Борщов пригляделся к Акинфию:

– Как вас величать? Вы – новенький?!

– Я-с из Санкт-Петербургского драгунского полка…, – начал Кононов. Договорить он не успел, в коридор вышел с шумом сам генерал-аншеф. Одетый в лёгкую, летне-осеннюю, не по сезону, шинель, он держал в руках хлыст для лошади. Непокрытая седая голова в кудрях окаймляли лоб с двумя глубокими морщинами. Александр Васильевич увидел своих адъютантов:

– Готовы-с? Сейчас же едем, надо понять, чем встречать турецкий десант. Наш прекрасный Курис Иван Онуфриевич вовремя прискакал из Херсона. Греческие корни помогли, а вернее – знание языка, именно он вчера допросил греческого перебежчика, сообщившего нам о сегодняшней атаке басурман в пять тысяч штыков.

– А во сколько они в итоге нападут? – спросил Аким Хастатов.

– В три часа, если не врут. Поехали!

Адъютанты двинулись к выходу, но увидев мнущихся в замешательстве ординарцев, Александр Васильевич обратился к новичку:

– Ты какого полка? – спросил Суворов?

– Драгунского, Шепелева, – отвечал Кононов.

– Я этого не знаю, – сказал Суворов. – Как полк назывался?

– Санкт-Петербургским, ваше сиятельство.

– А, знаю, знаю, славный полк! Я тебе расскажу, почему он – славный, ты еще не служил тогда

И Суворов хотел явно что-то рассказать, он начал:

– Я однажды, батенька, в Санкт-Петербург прибыл, и царица даровала мне шубу, чтобы я не ходил налегке. Я надел ее на плечи и пошел в ваш драгунский полк…

В это самое время дверь входная заскрипела, с улицы внутрь дома зашел Тунцельман и фон Рек, впустив местного кота. Раскрасневшиеся и явно с мороза, они быстро подошли к генералу-аншефу, прервав его рассказ:

– Здравия желаю, ваше сиятельство. Генерал-майор – Иван фон Рек..

– И комендант крепости, Егор Тунцельман, в вашем полном распоряжение-с!

Суворов хотел поприветствовать своих подчиненных,

но кот отчаянно и голодно мяукнул, побежал мимо зеркала к подоконнику и вскочил на него. Александр Васильевич отвлекся, прослеживая взглядом за котом, и вдруг, увидев зеркало в раме в углу, страшно побледнел. Из его комнаты в этот самый момент вышел камердинер Прошка:

– Лександр Васильевич, а чай…?

Увидев лицо Суворова и жест руки, а тот протянул указующий и дрожащий палец, он непроизвольно перекрестился. Все замерли, Борщов и Хастатов переглянулись. Суворов же произнёс в гробовой тишине:

– Что это? Кто это? Почему сие здесь? Для чего мне лицезреть двойника своего? (голос нарастал) Для чего мне второй Суворов, мать твою! Немедленно убрать это безобразие! Исполнять, каналья!

Голос перешёл на фальцет, Прошка затрясся:

– Не доглядел, батюшка, не доглядел…

Он метнулся по коридору мимо Акинфия, бросился занавешивать зеркало. «Как при покойнике», – подумал Кононов. А камердинер, вращая глазами, тихо прошептал ординарцу:

– Её сиятельство не любит зеркала-с… Это я не доглядел-с..

Акинфий Кононов удивился, но виду не подал. Фон Рек придвинулся к Суворову и, махнув рукой на Тунцельмана, сказал:

– Ваше сиятельство, донские казаки языка поймали.

Утверждает, что нападение будет часов в восемь-девять утра, но не здесь, а где-то в верстах двенадцати. Вот Егор Андреевич доложил. При нём беглеца пытали, лично подполковник Иван Иваныч Исаев его допрашивал. Нападут в районе Биенок. Задунайская Сечь на службе султана!

– Как бы измены не было среди наших казаков? – вставил Тунцельман.

Краснов сделал шаг вперед и сверкнул глазами. Сам донец, он не стерпел разговоры о казачьей измене, он хотел что-то сказать, но опять вмешался комендант:

– Я случайно узнал, шёл от косы и увидел, как казаки шпиона волокут. Вы когда редуты поедете осматривать, Александр Васильевич? Все ждут-с Вас!

Суворов оставил вопрос коменданта без ответа и обратился к генерал-майору:

– В двенадцати верстах у нас Мариупольский и Павлоградский полки?

Фон Рек думал с минуту:

– Оба… Мы их частично перевели к нам, но не всех. Они только разместились

с моим Орловским полком.

– А в четырнадцати верстах от Кинбурна у Мариинского редута стоит легкий батальон Муромского полка… Или они на Козловский полк нападут? Как думаете, фон Рек?

Суворов смотрел внимательно на генерал-майора. Тот повторил:

– Шпион сказал, что нападение будет с утра, верстах в двенадцати от Кинбурна. Нападут бывшие запорожцы из Задунайской Сечи… Приплывут на своих галерах, голодранцы!

– Ах, вот в чем дело!

Тунцельман сделал шаг вперед, он знал, что Суворов доверяет и Войску Донскому и недавно созданному Войску Верных запорожцев из числа тех, кто, потеряв свою сечь, решил служить русской императрице, но как поведут себя казаки со такими же как они, только из других паланок, никто не знал. Бывший курень в Олешках под Херсоном давно разграбили и ликвидировали. Крепкая казачья обида за отобранные земли Русской империей долго бродила среди бывшей Запорожской Сечи. Казаки с Дона им явно сочувствовали, и Суворов об этом отлично знал. Иван Краснов пабагровел, шагнул вперёд и сказал от волнения на родном, малороссийском:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.